

УДК 130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.156

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ НАРОДНОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

В.Н. Даренская

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР

В статье рассмотрена христианизация сознания и социальной практики в русской традиционной культуре. Показано, что классики русской литературы выполняли роль строителей национального самосознания, выражая те черты народной жизни (социальной практики), которые начали научно изучаться только в наше время, а ранее оставались скрытыми от исследователей. Можно сделать вывод о высокой степени христианизации жизни русского народа в рамках его традиционной культуры. Эта жизнь была в первую очередь аскезой, направленной на спасение души и воспитание новых поколений в рамках христианской нравственности. В этом отношении русская традиционная культура достигла большой высоты и вызвала удивление у других христианских народов, что и стало главной основой российской государственности.

Ключевые слова: христианизация, социальная практика, русская традиционная культура, классика.

Христианизация народного сознания была главным фактором русской истории на протяжении тысячи лет – от крещения Руси до 1917 г., а в наше время вновь стала главным фактором, от которого зависит возрождение и выживание России в современном мире. Без учета этого фактора невозможно понять, как из маленького Московского княжества XIV в. уже в XVII в. возникло огромное континентальное государство. Именно православное воспитание народа давало ему нравственную силу для великих исторических свершений и подвигов. А.С. Пушкин писал о православии как об основе русского национального характера: «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» [14, с. 91]. Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» делал вывод: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра» [13, с. 6].

В последние десятилетия в русской философии произошло возрождение интереса к этой теме. В первую очередь следует выделить исследования М.М. Громько, в частности «Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.)», «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.», «Мир русской деревни», «Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века (Период гонений на веру и Церковь)». В большом совместном труде

М.М. Громько и А.В. Буганова «О воззрениях русского народа» [8] авторы показали те религиозные убеждения, которые проявились повседневно, в самом образе жизни.

Целью данной статьи является анализ христианизации народного сознания и социальной практики в русской традиционной культуре на материале публицистического наследия классиков русской литературы и философии, которое представляет большую ценность для данной темы, поскольку писатели-классики выражали глубинное народное сознание.

А.С. Пушкин записал свой разговор с англичанином о русских крестьянах, в котором услышал от англичанина совершенно непривычные для себя суждения (пушкинисты выяснили, что звали этого человека *Calvil Frankland*, он жил в России в 1830–31 гг.). Они очень важны для нашей темы как суждения «со стороны», из уст представителя самой передовой в то время страны Европы, который сравнивал русских крестьян с английскими простолюдинами (в самой Англии крестьян давно уже не было после эпохи «огораживаний» в XVI в. – остались только сельские батраки). Общий вывод англичанина, очень удививший А.С. Пушкина, состоял в том, что русские крестьяне живут лучше и свободнее английских сельских простолюдинов, не говоря уже о городских рабочих в Англии. Англичанин подвел итог своим доказательствам этого факта просто указанием на внешний вид русского крестьянина, который поразил его своим достоинством: «Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами? Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?» [15, с. 127]. Чем объясняется всё то, что отметил англичанин в России?

В допетровскую эпоху крестьяне и дворяне были одинаково хорошо защищены законом, поэтому насилие в отношении крестьян жестко каралось. Например, в 1669 г. князя Тимофея Оболенского отправили в тюрьму за то, что он заставлял крестьян работать в воскресенье. Петр I ввел более жесткие европейские крепостные порядки, однако и после этого крестьяне имели вполне реальную правовую защиту. Так, например, княгиню Надежду Трубецкую за издевательства над крепостными в 1853 г. сослали в Сибирь. С 1834 по 1845 гг. царское правительство привлекло к суду почти 3000 дворян и осудило 630 из них [10]. Пресловутая Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха, мучавшая своих крепостных, решением Сената и императрицы Екатерины II в 1768 г. была лишена достоинства столбовой дворянки и приговорена к смертной казни, но позже мера наказания была изменена на пожизненное заключение в монастырской тюрьме, где осужденная и умерла. Дарья Салтыкова была психически больной женщиной и представляла собой экстраординарное явление среди помещиков. Как правило, отношения между крестьянами и помещиками носили патриархальный характер, основанный на взаимном уважении и христианской любви, чему есть множество свидетельств.

Кроме того, между ними не было и психологического барьера, поскольку по своему мировоззрению они составляли один народ. «Мужик, –

отмечал известный писатель XIX в. П.Д. Боборыкин, – совсем не представлялся нам как забитое, жалкое существо, ниже и несчастнее которого нет ничего. Напротив! Все рассказы дворовых – и прямо деревенских, и родившихся в дворне – вертелись всегда на том, как привольно живет крестьянам, какие они бывают богатые и сколько разных приятностей и забав доставляет деревенская жизнь. Мужичкой нищеты мы не видали... отношение к крестьянству как к особому сословию и к деревенской жизни вынесли мы отнюдь не презиращее или унижительно-жалостливое, а почтительное и заинтересованное в самом лучшем смысле» [5, с. 53]. Кроме того, П.Д. Боборыкин пишет о том, что во многом он был воспитан своими крестьянами: «кроме старших из своего сословия и круга, учителей и гувернеров, развивали нас и дворовые. Это вовсе не парадокс и не выдумка <...> я говорю о дворовых, моих друзьях, от которых я многому научился, и вовсе не в дурном смысле» [5, с. 52].

Крестьянское сословие в дореволюционный период фактически жило еще в состоянии догосударственной, «вольной» жизни, поскольку его контакты с государством были минимальными и опосредованными – не напрямую, а через общину. В свою очередь, сама община была целиком автономным коллективом, никак не контролировавшимся государством и жившим по своим внутренним обычаям и нравственным принципам.

Особую ценность для понимания сознания и социальной практики народа имеют историософские труды архимандрита Константина (Зайцева), подвизавшегося в Зарубежье. Он писал: «“Симфония”, которая Царя и Церковь сливала в гармоническое единство, распространялась на все народно-государственное бытие, делая, тем самым, всю совокупность повинностных обязанностей, охватывавших население, системой послушаний, поддающихся пониманию в своей истинной сущности в свете только одного сопоставления: с монастырем! Нес ли кто тягло, нес ли кто службу, то есть выполнял ли кто повинность чисто исполнительного характера, или получал задание проявлять ту или иную форму власти, все едино: пред Богом и Царем выполнял каждый беззаветно свое всежизненное “послушание”, будучи движим сознанием чего-то неизмеримо большего, чем все то, что может быть выражено в терминах общественно-государственных и даже семейно-патриархальных» [3, с. 305].

Идеал Святой Руси отражал подлинное бытие народа – ту особую глубину воцерковления всех сторон жизни, которая не имела аналогов на Западе, и которая иссякает, лишь начиная с XIX в. Архимандрит Константин говорит о монастыре как учителе жизни в Московской Руси, средоточии и образце всего социального бытия, определявшего самый глубинный характер народа: «Святая Русь! Случайно разве то, что вся она от царских палат до крестьянской избы была подобием монастыря!.. Можно быть уверенным, что если бы мы обладали документацией, столь же обстоятельно раскрывающей нам жизнь простых людей тех же веков, сводка их дала бы

нам подобную же картину жизни, устремленную духовным взором к идеалу монастырского устава» [3, с. 84].

Святитель Серафим (Соболев) в труде «Русская идеология» дает общую характеристику воцерковленности жизни в Московской Руси, опираясь лишь на свидетельства «внешних наблюдателей»: «Иностранцы поражались церковностью Святой Руси и особенно ее благочестием. Внешний вид русского города и селения показывал, что религия – господствующая сила в стране. Иностранцы видели в городах множество богатых церквей и монастырей. Палаты князей и богатых людей украшались внутри на церковный лад <...> на всех улицах стояли часовни, иконы в окладах, с зажженными свечами. Прохожие крестились перед каждой церковью и часовней, иные клали земные поклоны... Торжественные крестные ходы совершались весьма часто <...> Многие посещали церковь каждый день. Мещане и купцы в городах ежедневно ходили к ранней литургии, а нередко и к поздней. Ежедневное посещение церкви входило даже и в придворный этикет <...> Русские люди отличались особенно строгим воздержанием во дни Великого поста и в посты, которые налагались на них по поводу общественных или государственных бедствий...» [2, с. 16–19].

Стоит дополнить эти свидетельства православных греков еще более важным и характерным свидетельством папского посла, который приехал в Россию специально для того, чтобы разведать возможность обращения ее в католичество, т. е. изначально был настроен к ней с предубеждением. Тем не менее Альберт Пигий в трактате «Новая Московия» в главе «О нравах и религии московитов» писал так: «Думается, они живут согласно Евангелию Христову лучше, чем мы. Ибо среди них великим и гнусным преступлением считается лгать и обманывать друг друга. О прелюбодеянии, разврате, распутстве слышно у них редко. Протiwоестественные пороки не известны вовсе. Ложные клятвы и богохульства для них неслыханное дело, но к Богу и святым они питают столько почтения, что перед знаком распятия, где бы им не довелось его встретить, они благоговейно падают наземь. Причащаются часто, едва ли не всякий раз, когда собираются в церкви, но по своему обряду, то есть квашеным хлебом и под обоими видами <...> В их церквях нельзя увидеть ничего легкомысленного, ничего языческого, но все молятся, пав на лицо либо на коленях, до того благочестиво, что я частенько слышал, как родитель мой и многие другие почтенные люди, жившие бок о бок с московитами довольно долго, немало превозносили их праведность по сравнению с нашей» [1, с. 140].

Вместе с тем, начиная с XIX в., среди интеллигенции в России распространился миф о том, что православная вера народа является «темной», бессознательной и основана на непонимании того, во что они верят. В действительности этот миф в первую очередь свидетельствовал о невежестве и «темноте» самой интеллигенции, которая совершенно не знала народа, среди которого она живет. Однако в тех случаях, когда им его удавалось узнать, приходилось делать совсем иные выводы. Например, декабрист

А.П. Беляев, серьезно занявшийся во время сибирской ссылки земледелием и на этой почве много общавшийся с простым народом, написал в своих воспоминаниях: «Православие глубоко проникло во весь наш народный организм <...> Наши реформаторы обыкновенно говорят, что русский крестьянин, как дикий, поклоняется иконам, как идолам, что ставят в упрек ему и даже православию. Но наши мыслители-реформаторы, не имеющие понятия о своей Церкви и своем народе, основывают свои мнения всегда на каком-нибудь непременно извращенном факте. Сколько я видел <...> и убедился, что народ наш поклоняется иконе не как доске или холсту, вмещающему в себя силу, а поклоняется изображенным на них Спасителю, Богородице и тем прославленным Самим Богом святым, в которых Он обитал при жизни их во времени, как обитает в вечности» [6, с. 123]. Уже упомянутая современная исследовательница М.М. Громько подтверждает этот вывод на научной основе: «При выявлении степени проникновения всей полноты религии в массовое сознание и в образ поведения данного народа обнаруживается глубокое единство церковной и народной православной жизни» [7, с. 23].

Понятие «бытовое исповедничество» архимандрит Константин (Зайцев) трактует не как поверхностные, чисто внешние проявления религии в обычаях (так называемое «бытовое православие»), а, напротив, как глубочайшее проникновение православия во всю жизнь народа. «Да, – пишет он, – Отечество наше всей полнотой быта исповедовало веру Христову. Оно жило в полном согласии с заветами Церкви, не словом только, не отдельными делами отдельных людей, а всей жизнедеятельностью, всем существом, всеми отправлениями народного и государственного организма – будь то домашний обиход, будь то воинское дело, будь то государственная служба или земская работа. И так – применительно ко всем, будь то царь или просто селянин» [3, с. 401]. Каковы были исторические предпосылки столь глубокой христианизации национального характера у русских? Как писал, в свою очередь, о. Павел Флоренский, «русский народ и по молодости своей, и по этнически свойственной ему легкости от самого начала проникся некоторыми сторонами нравственного христианского идеала, точнее сказать, на которые наталкивались в народах культурно окрепших и по характеру более жестких. Черты христианского идеала действительно слились тут отчасти с природной организацией» [16, с. 546].

Как отмечают исследователи, у русских в массовой народной среде было намного больше, чем у европейцев, распространено молитвенное обращение к Богу, Богородице и святым во всяких случаях жизни, которое верующий человек понимал не только как просьбу о помощи, но в первую очередь как просьбу направить свои действия в благом направлении. А именно, «одним из основных действий в народной религиозности было постоянное обращение к святому миру за получением благословения буквально на все, что делал или собирался делать человек. Полученное свыше благословение освящало и самого человека и все его деяния. Выходя

утром из дома, говорили: “Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, Господи!”» [12, с. 326]. По сути, молитвенные обращения у большинства людей становились «автоматической» частью речи, непрерывно воздействуя на сознание, что постоянно углубляло религиозное восприятие жизни.

В ту эпоху, когда большинство народа еще не умело читать, Слово Божие воспринималось в первую очередь устно – во время богослужений в храме, а также в благочестивых разговорах со священником и грамотными людьми, которые читали Библию и церковную литературу. Однако, кроме этого, существовал также и устный православный фольклор в виде разных пересказов Священного Писания и духовных стихов.

Исследователи отмечают те особые качества, воспитанные в русском народе православием, благодаря которым ему удалось создать огромное многонациональное государство. Первым из таких качеств было то, которое архимандрит Константин (Зайцев) называет жертвованием эгоизмом ради полноты нравственной и духовной свободы служения Руси как защитнице истинной веры: «Все, и властвующие, и подвластные, разнятся лишь формами зависимости – будь то “служба” властвующих, или “тягло” подвластных. Никто не скажет: это – мое, и действую я по моему личному праву. Не представимо то для Московской Руси, и в этом все равны, и селянин, и купец, и промышленник, и боярин и даже владетельный князь, способный поспорить о родovitости с Царем. О распределении благ спорить можно, и тут действуют обычные формы гражданского оборота и обмена, как и обычные формы судебного разбирательства. Но обладание благом не есть личное право, а есть основание для несения обязанности – и все разнятся лишь формой и объемом таковых, в системе всеобщего тягла и всеобщей службы. <...> Московская Русь вынуждена была сплавиться в монолит обязательной службы и обязательного тягла: только такой Русь могла – быть» [3, с. 172–173].

Современный исследователь А.Л. Юрганов хорошо разъяснил смысл основных политических понятий того времени: «Каждый православный человек – раб Божий и холоп государев; но в отношении к самому себе он – владыка, господин. Иначе говоря, человек – “владыка себе”, потому что он – раб Божий, Его творение <...> В слове “холоп” для русского средневекового человека не было ничего оскорбительного. В нем звучала даже благочестивая нота: все мы рабы Божьи, а значит, и холопы государя, власть которого от Бога! В том не было унижения достоинства» [18, с. 216]. Тем самым, очевидно, что политические понятия традиционной России были производны от понятий религиозных, и поэтому главным было в них понимание человека как «раба Божьего» – в *позитивном* смысле: как человека, трудящегося для Бога и творящего благо. Это означает высшее развитие христианской свободы – как преодоления собственного эгоизма. Западные путешественники удивлялись особому почитанию царя русскими людьми и усматривали в этом «рабство». Такая оценка говорит о том, что у западных людей к этому времени политические понятия уже

были не христианскими, и их место занял неоязыческий эгоизм, который они наивно и считали «свободой». Тем самым, здесь мы видим более высокое нравственное развитие русского народа по сравнению уже с тогдашними европейцами как следствие более глубокой христианизации русского национального характера.

Благодаря этим нравственным качествам русского народа, воспитанным православием, Россия как государство и Русский мир как цивилизация вобрала в себя множество этносов, ранее уничтожаемых агрессивными соседями, что стало возможным благодаря уникальным государствообразующим качествам русского народа, умеющего вступать во взаимовыгодный симбиоз с любым другим народом. Как отмечал лорд Дж. Керзон, в свое время вице-король Индии, сравнивая русских с европейцами, «русский братается в полном смысле слова <...> Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми расами <...> к чему англичане никогда не были способны» (цит. по: [11, с. 15]). Как писал Н.А. Бердяев, «Россия – самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. Немцы, англичане, французы – шовинисты и националисты в массе, они полны национальной самоуверенности и самодовольства. Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже – увы! – чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других» [4, с. 8].

Социально-экономической основой внутренней свободы русского народа был общинный образ жизни. Известный этнограф XIX в. С.В. Максимов отмечал: «Русский народ – особый народ. И живет он таким строем жизни, который общего не имеет с Западом. Живет он укладом, который имеет много общего с древним Израилем. Он не знает частной собственности, как не знал её Израиль <...> И наше отечество не знало частной собственности абсолютной, а все владели землею временно и условно. Убеждение, что *так и должно быть* <...> живет в сознании русского народа глубоко и прочно» (цит. по: [17, с. 13]). По русскому народному православному воззрению, земля – Божия, а не человеческая, и люди владеют ею только как даром Божиим. Община распределяла землю по справедливости – в зависимости от количества «ртов» и трудолюбия в разных семьях. Это не что иное, как *библейское отношение к земле и к собственности*, которое сохранялось в России на уровне массового сознания крестьян и других сословий вплоть до революции 1917 г.

В.И. Даль в одном из очерков из народной жизни (это зарисовки из реальной жизни, но обработанные автором как художественные очерки) вложил в уста одной из героинь свои собственные размышления о нравственном содержании жизни народа. Он писал: «Не перемена места нужна для счастья нашего, а перемена состояния души нашей, и постылое станет

милым, и человек, сам не ведая как, послышит себя духом в Небесном Царстве. Много искажения внедрилось в человечестве, но кой-где и кой-когда, в укромной тиши, впотьмах, просвечивают искры света и тепла, и повсюду Божеское Провиденье, не покинувшее доселе народа своего, отвечающее на безумие премудростью» [9, с. 330]. «Перемена состояния души нашей» – это и есть главный императив христианской культуры, усвоенный русским народом. Императив духовного преображения один для всех и не зависит от социального положения.

В.И. Даль создал яркую и систематическую картину русской народной психологии, в которой имеют место самые глубокие нравственные законы и смыслы. Они были сформированы двумя главными факторами: православной верой и историческим опытом народа. Оба эти фактора были взаимозависимы: с одной стороны, именно православие определило ту нравственную высоту, которая позволила народу вынести все тяжелые исторические испытания и создать великое государство и великую культуру; с другой – именно эти испытания и укрепляли народ в православной вере, давали нравственную силу.

В содержательном отношении главными компонентами народной психологии являются чувство безусловного долга и ответственности перед Богом и перед царем как главой православного народа, отвечающим за него перед Богом. В свою очередь, это определяло главный принцип понимания народом самой земной жизни – как радости и аскезы одновременно. Радость и аскеза взаимообусловлены, поскольку радость порождается именно самым жизненным подвигом и верностью своей судьбе. В критические же моменты жизни человек проходит через «символическую смерть», которая его глубоко обновляет и преображает. Это преображение души в соответствии с идеалом, данным в Евангелии, и составляет высший смысл народной жизни.

Анализ христианизации народного сознания и общественной жизни в русской традиционной культуре на материале публицистического наследия классиков русской литературы показывает, что классики выполняли роль строителей национального самосознания, выражая те черты народного сознания и жизни (социальной практики), которые начали научно изучаться только в наше время, а ранее оставались фактически скрытыми от исследователей в силу их идеологической предубежденности (западнической или антихристианской). Продолжение работы в этом направлении позволит глубже понять внутренние факторы русской истории. Но уже рассмотренные выше тексты позволяют сделать общий вывод о том, что совершенно неадекватно рассматривать жизнь русского народа в его традиционной культуре вплоть до начала XX в. в категориях теории «классов», «эксплуатации», «невежества» и других стереотипов, сложившихся в рамках идеологических подходов.

В реальности же жизнь русского народа в его традиционной культуре в первую очередь определялась нравственно-религиозными фактора-

ми и была основана на исполнении евангельских заповедей – в той мере, насколько это было возможно в рамках сложившихся условий жизни. Социальная жизнь во всех ее измерениях (семейной, экономической и государственной) фактически была частью религиозной жизни и должна оцениваться в первую очередь с этой точки зрения. Благодаря приведенным наблюдениям и обобщениям классиков русской литературы, можно сделать вывод о высокой степени христианизации жизни русского народа в рамках его традиционной культуры. Эта жизнь была в первую очередь аскезой, направленной на спасение души и воспитание новых поколений в рамках христианской нравственности. В этом отношении русская традиционная культура достигла большой высоты и была примером для других христианских народов.

Список литературы

1. Альберт Пигий. Новая Московия // Русский Сборник: Исследования по истории России: архивные находки и источниковедение. М.: Модест Колеров, 2021. Т. XXX. С. 7–149.
2. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. М.: Лествица, 2000. 430 с.
3. Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М.: Форум, 2000. 864 с.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Изд. МГУ, 1990. 240 с.
5. Боборыкин П.Д. Воспоминания в двух томах. М.: Худ. лит., 1965. Т. 1. За полвека (главы I–VIII). 672 с.
6. Воспоминания декабриста Александра Петровича Беляева // Своей судьбой гордились мы: Декабристы в Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. С. 111–142.
7. Громыко М.М. О единстве Православия и Церкви в народной жизни русских // Традиции и современность. 2002. № 1. С. 3–31.
8. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. 541 с.
9. Даль В.И. Архистратиг. М.: изд. Сретенского монастыря, 2012. 464 с.
10. Когулько Ж. Права крепостных в Российской Империи // URL: https://www.rusday.com/articles_new/2017-11-05/7637/ (дата обращения: 10.12.2022).
11. Кожин В.В. Россия как уникальная цивилизация и культура // Победы и беды России. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 11–27.
12. Листова Т.А. Мир святости в религиозном народном понимании // Святости и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование. М.: Наука, 2010. С. 285–337.
13. Лосский Н.О. Характер русского народа. М.: ДАРЪ, 2005. 336 с.
14. Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII в. // Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 89–93.
15. Пушкин А.С. Мысли на дороге // Соч. в 10-ти томах. М.: Изд. «Худож. лит.», 1960. Т. VI. Критика и публицистика. С. 392–396.

16. Флоренский П.А., свящ. Записка о Православии // Соч. в 4-х томах. М.: «Мысль», 1996. Т. 2. С. 544–551.
17. Фомин С. Джорданвилльский отшельник // Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М.: «Форум», 2000. С. 3–28.
18. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.

CHRISTIANIZATION OF FOLK CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE

V.N. Darenskaya

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, LNR

Russian traditional culture Christianization of consciousness and social practice is considered in the article. It is shown that the classics of Russian literature played the role of builders of national identity, expressing those features of folk life (social practice) that began to be studied scientifically only in our time, and previously remained hidden from researchers. It can be concluded that the life of the Russian people is highly Christianized within the framework of its traditional culture. This life was, first of all, an asceticism aimed at saving the soul and educating new generations within the framework of Christian morality. In this regard, Russian traditional culture reached a great height and aroused surprise among other Christian peoples, which became the main basis of Russian statehood.

Keywords: *Christianization, social practice, Russian traditional culture, classics.*

Об авторе:

ДАРЕНСКАЯ Вера Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР. E-mail: vera_darenskaya@mail.ru

Author information:

DARENKAYA Vera Nikolaevna – PhD (Philosophy), Associate Professor Department of Social Work, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, LNR. E-mail: vera_darenskaya@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.03.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 20.03.2023.